

Нападавший был с ног до головы во всем черном: низко надвинутая кепка, капюшон толстовки, рюкзак, надетый на грудь. В его руке тускло блеснул нож, чье лезвие в ярком свете ламп холла казалось ослепительно-белым. Охваченная первобытным ужасом толпа бросилась врассыпную. Люди еще не успели осознать, что именно происходит, и даже охранники у турникетов на мгновение оцепенели, не в силах остановить безумца.

Когда мужчина уже готов был перемахнуть через ограждение, чья-то рука мертвой хваткой вцепилась ему в горло. Юэ Цянь резким движением перехватил его в воздухе и с силой впечатал в пол. Падая, нападавший в исступлении полоснул ножом перед собой, но следователь, ожидавший подобного, ловко уклонился. В следующее мгновение он нанес точный удар по запястью противника. Нож, вылетев из ослабевших пальцев, со звоном закрутился по плитке и остановился у ног одного из охранников.

— Подними его! — рявкнул Юэ Цянь.

Ошарашенный охранник наконец пришел в себя и поспешно схватил оружие. Остальные секьюрити навалились сверху, помогая следователю окончательно обездвигить человека в черном.

Глаза нападавшего налились кровью, а из горла вырвался хриплый, надрывный крик:

— Вэй Цзинь должен сдохнуть!

Юэ Цянь тут же спросил:

— Твоя цель — Вэй Цзинь?

Но тот уже ничего не слышал. Он лишь мучительно смотрел на незнакомца, преградившего ему путь, издавая сдавленные, лишённые смысла звуки.

— Чжан Хуайчэн, опять ты! — начальник охраны сорвал с мужчины кепку, в его голосе прозвучала злая ирония. — Господин Вэй раз за разом прощал тебя, а ты совсем берега попутал, а?

«Чжан Хуайчэн?» — Юэ Цяню это имя показалось смутно знакомым.

— Вы его знаете? — спросил он.

Охранник, который до этого подозрительно косился на отиравшегося в холле офицера, теперь смотрел на него с невольным уважением. Юэ Цянь молча достал удостоверение. И сотрудники

службы безопасности, и сам задержанный застыли в изумлении.

— Поедем-ка в управление, побеседуем, — распорядился следователь.

Чжан Хуайчэн внезапно зашелся в рыданиях.

— Полиция! Ты — полицейский! Вэй Цзинь погубил всю мою семью! Вам есть до этого дело? Вы вернете мне справедливость?!

Охранники занервничали и, покрепче перехватив преступника, испуганно взглянули на представителя власти.

— Что ты мелешь! — прикрикнул один из них на задержанного. — С чего бы господину Вэю губить твою семью!

Для Юэ Цяня Цанлун был чужим городом, поэтому он первым делом связался с капитаном Чэн Си. Через четверть часа у входа в здание «Мэйчжу» замигали маячки патрульных машин. В это же время в холл спустился Цзэн Хуэй, секретарь Вэй Цзиня. Он сообщил, что босса нет на месте, и все вопросы можно адресовать ему. Юэ Цянь заметил, как тот брезгливо поморщился, глядя на лежащего на полу мужчину; на его лице невольно отразилось плохо скрываемое презрение.

* _Допросная городского управления_ **

Чжан Хуайчэн затравленно смотрел на Юэ Цяня и Чэн Си. Ему было чуть за сорок, но выглядел он на все шестьдесят: редкие волосы, скорбные складки у глаз и голос, который дрожал так сильно, что слова порой трудно было разобрать.

Следователь вспомнил, где слышал это имя — оно фигурировало в одном из старых репортажей Вэй Цзиня.

В той истории рассказывалось о семье Чжан, которая держала магазинчик канцелярских товаров «Сапфировый домик» прямо у входа в начальную школу «Миньхуэй». Поскольку рядом находилась еще и восемнадцатая средняя школа, отбоя от учеников не было, и дела лавки шли в гору.

Жена владельца, Чэнь И, была душой компании. Круглолицая, добродушная, она легко находила общий язык с детьми. Ребята сами рассказывали ей, что сейчас в моде, а она подбирала ассортимент, глядя на мир их глазами. Товары «Сапфирового домика» всегда становились хитами. Прибыль росла, и жизнь семьи становилась всё краше.

Конкуренты не выдерживали: кто-то уходил в общепит, кто-то закрывался. Магазинчик по соседству как раз освободился, и супруги решили расширяться, увеличив площадь своей лавки вдвое.

Большому помещению требовалось больше товара. Чжан Хуайчэн предложил завезти учебные пособия — верный способ заработать у школьных ворот. Но жена возразила: в книжном бизнесе свои подводные камни, к тому же рядом уже были две подобные точки. Влезать туда — значило нарушить сложившееся равновесие.

— Тогда что нам продавать? — недоумевал муж.

— Блайнд-боксы, лотерейные карточки и значки, — уверенно заявила Чэнь И.

Супруг видел подобные розыгрыши в стримах, но сам никогда не покупал — не понимал интереса.

— Но это же чистой воды азартные игры?

В их детстве у школ стояли игровые автоматы, и учителя строго-настрого запрещали к ним подходить, называя это пагубной страстью.

Чэнь И лишь посмеялась над его старомодностью. Она убеждала его, что нынешние дети без ума от секретных коробочек, да что там дети — взрослые сходят по ним с ума. Если бы это было незаконно, разве их бы продавали на каждом углу?

Несмотря на сомнения, глава семейства привык доверять чутью жены. С самого открытия магазина её решения всегда оказывались верными. К началу учебного года они закупили горы популярных коробочек-сюрпризов. Ориентируясь на скромные карманные деньги школьников, основной упор сделали на дешевые карточки и разнообразные бацзи.

Расчет оправдался. С первыми звонками «Сапфировый домик» превратился в рай для младшеклассников. Модные в прошлом семестре блокноты для скрапбукинга были забыты — толпы покупателей штурмовали стеллажи с карточками, наперебой протягивая смятые купюры. Ученики восемнадцатой школы, прознав о новинках, тоже потянулись в лавку за редкими значками.

Чжан Хуайчэн никогда не видел таких денег. Его супруга целыми днями мониторила прямые эфиры: что популярно сегодня — то завтра уже должно быть на их прилавке. Всего за полмесяца их чистая прибыль превысила доход за весь прошлый семестр.

— Оказывается, эти лотереи — золотая жила! — изумлялся он. Мужчина и сам пару раз попробовал вскрыть упаковки и признал: когдаходишь в раж, деньги перестают иметь значение.

У его маленьких клиентов денег было в обрез, они брали по паре пакетиков. Но в интернете люди скупали коробки ящиками, спуская за раз по несколько тысяч юаней. О таких суммах страшно было даже подумать.

Однако белая полоса быстро закончилась. Начались проблемы. Первой пришла разгневанная мать: её ребенок украл деньги из дома и спустил всё на карточки. Бросив на прилавок гору вскрытых упаковок, она потребовала возврата.

Владельцу было обидно, но, не желая скандала, он отдал деньги. Затем потянулись другие родители. Он возвращал всем.

Убытки были терпимыми, но осадок оставался горьким. Тогда Чэнь И, подсмотрев правила в сети, вывесила объявление: при покупке карточек ребенок обязан позвонить родителям и получить разрешение. Без согласия взрослых оплата не принималась.

Эта мера снизила доходы, зато избавила от лишних ссор. Через год, когда «карточная лихорадка» достигла пика, супруги купили новую квартиру. Но как раз в разгар ремонта случилось непоправимое: мальчик по имени Ван Цинь покончил с собой, оставив предсмертную записку.

В письме он прямо винил во всём «Сапфировый домик». Семья Чжан в одночасье стала врагами общества.

Ван Цинь учился в пятом классе и полгода назад был постоянным клиентом лавки. Он сорил деньгами, и родители вроде бы поощряли его увлечение. Другие дети брали по пакету, он же выкупал целые наборы. Шанс вытянуть редкую карту в таком случае был выше, и Ван Цинь, обладая богатой коллекцией, всегда был окружен завистливой толпой.

Но полгода назад он вдруг перестал заходить. Чэнь И, завидев его, еще по-доброму окликала:

— Ван Цинь, я завезла новые карты, не хочешь взглянуть?

Мальчик лишь молча уходил, опустив голову.

Супруги решили, что родители запретили ему тратиться или наказали за плохие оценки. Такое случалось часто, и они не придали этому значения. Вместо одного Ван Циня придут другие — пока мода на карточки жива, в «Сапфировом домике» не будет пусто.

Самоубийство ребенка положило конец всему. Пришла полиция, нагрянули учителя и разъяренные родители. Чжан Хуайчэн и его жена в пространии давали показания, пока не выяснилось страшное: семья Ван Циня вовсе не была богатой. Его родители работали на заработках в другом городе, а сам он жил с престарелыми бабушкой и дедушкой. У него не было карманных денег — он выкраивал их из средств на еду или обманом выманивал у

стариков. И каждый раз, когда он якобы «звонил маме» из магазина, на другом конце провода была соседская тётушка. Мальчик часто помогал ей по хозяйству, и та согласилась притворяться его матерью перед владельцами лавки.

Азарт поглотил его целиком. Зависть сверстников и их льстивое внимание стали наркотиком. Он начал воровать деньги, занимать у старшеклассников, но сумм никогда не хватало. Долги росли, начались угрозы, избиения, унижения. Последние полгода он жил в аду школьной травли, которую спровоцировал сам. Он не смел никому признаться, раздираемый чувством вины перед дедушкой и бабушкой.

В конце концов, не выдержав, он шагнул в пустоту.

Следствие установило, что вины владельцев магазина в случившемся нет. Продажа подобных товаров разрешена законом, и они даже пытались контролировать процесс. Трагедия произошла из-за того, что Ван Цинь нашел способ обойти правила.

Чжан Хуайчэн и Чэнь И выплатили семье Ван небольшую сумму в качестве утешения. Они думали, что на этом кошмар закончится. Но репортаж Вэй Цзиня окончательно растоптал их.

Местные СМИ уже писали об этом случае, делая упор на проблеме буллинга и зависимости от лотерей. «Сапфировый домик» упоминался лишь вскользь.

Но Вэй Цинь, будучи асом журналистики, знал, как выделиться из общего потока. Его «глубокое расследование» было целиком посвящено магазину. Он выставил супругов Чжан алчными демонами, сосущими кровь из невинных детей. Его слова были ядовиты и полны манипуляций; он прямо назвал их палачами.

На «Сапфировый домик» обрушилась лавина ненависти. Чжан Хуайчэн сам смотрел тот сюжет. Под градом обвинений он не нашел в себе сил оправдаться — ему казалось, что он и его жена действительно те самые монстры из телевизора, убившие ребенка.

Под давлением общественности магазин пришлось закрыть. Источник дохода иссяк, а недостроенную квартиру продали за бесценок. Через год они попытались начать всё сначала, но дети больше не переступали порог их лавки. Бизнес окончательно прогорел.

Но самым страшным ударом стало то, что случилось с их дочерью Сяо Се. Девочка училась в начальной школе, и из-за славы родителей сама стала жертвой травли. Когда отец пытался молить о помощи в сети, ему отвечали лишь одно: «Это карма».

Сяо Се несколько раз меняла школы, впала в тяжелую депрессию и в один из дней, когда дома никого не было, выбрала тот же путь, что и Ван Цинь.

Но на этот раз никто не встал на защиту ребенка, доведенного до самоубийства.

Чэнь И сошла с ума. Она постоянно калечила себя, все сбережения ушли на врачей. Оказавшись в тупике, Чжан Хуайчэн вновь и вновь прокручивал в голове события последних лет, и перед его взором всегда вставало лицо Вэй Цзиня.

Он наконец осознал: всё это принес им «воитель за справедливость». У журналиста не было с ними личных счетов. Но для него они были лишь наживкой, питательной средой для громкого заголовка. Какое ему дело до чужих мук, если репортаж имел успех? И ведь тот не лгал — он просто раздул одну сторону правды до небес, используя свой авторитет и влияние. И этот успех лишь укрепил его статус «гласа народа» в Цанлуне.

— Наша семья была для него просто «удачным ракурсом», — с безграничной горечью произнес задержанный. — Мы для него не люди, а инфоповод. Кому интересна школьная травля? Это избитая тема, она не дает рейтингов. Поэтому выбрали нас. А когда из-за этой же травли погибла моя дочь — они предпочли отвернуться!

С горькой усмешкой он рассказал, что, осознав всё это, начал планировать месть. Вэй Цзинь больше не работал на телевидении. Сначала Чжан Хуайчэн думал, что тот раскаялся и перестал наживаться на чужом горе, но выяснилось, что журналист просто унаследовал компанию богатой жены и стал президентом корпорации. Это чувство несправедливости жгло изнутри: почему такой человек не платит по счетам? Он хотел убить его, часами караулил у офиса «Мэйчжу», но охрана не подпускала его близко. Отчаяние сменялось яростью: он понял, что шанса может и не представиться.

Он пересматривал сюжеты врага снова и снова, пытаясь ухватить самую суть его метода — создание шумихи. Нужно лишь раздуть пламя, а толпа сама подбросит дров.

В конце концов, если цель — месть, то какая разница, кого убить: самого Вэй Цзиня или сотрудников его драгоценной компании? Он ворвется в здание, устроит резню в прямом эфире и прямо перед камерой расскажет о преступлениях этого «святоши». Тогда люди обязательно услышат его! Обязательно!

Но для обычного человека убийство — задача не из легких. Когда мужчина ворвался в здание с ножом, он от волнения даже забыл запустить трансляцию. И если бы не вмешательство Юэ Цяня, подоспевшие телохранители быстро бы его скрутили.

Он потерпел полный крах.

Следователь задумался: а что, если был кто-то другой? Кто-то умнее этого человека, кто уже осуществил свою месть иным способом?

Исчезновение Вэй Яхуа могло быть делом рук еще одного пострадавшего от рук журналиста. Вэй Цзинь прекрасно знал, что он натворил за годы карьеры, и именно поэтому боялся полиции. Стоит следователям начать копать, и все его «грязное белье» окажется на виду.

Раздумья прервал голос коллеги из коридора: приехал Вэй Цзинь.

Тот выглядел измотанным и подавленным; в его взгляде читались тревога и вина. Юэ Цянь помнил его по старым записям: там он был элегантен, полон энергии и внушал безграничное доверие. Сейчас же он сильно сдал. В нем больше не было лоска интеллигента, а в облике сквозила тяжелая печать больших денег.

У него было важное совещание, но, узнав о происшествии, он бросил всё и примчался в офис, чтобы успокоить сотрудников, а затем сам явился в полицию.

— Это моя вина. Я плачу за свои ошибки прошлых лет, — произнес Вэй Цзинь, понутив голову. Вспоминая историю «Сапфирового домика», он признал: он знал, что семья Чжан не была истинной причиной трагедии мальчика. Но другие версии уже были озвучены коллегами, а тема буллинга набила оскомину. Чтобы победить в конкуренции, ему нужен был уникальный ракурс, острый вопрос, который бы взорвал эфир. И он бросил Чжан Хуайчэна и его жену в этот костер.

— А другие? — спросил Юэ Цянь. — Скольких еще людей, подобных ему, вы можете вспомнить? Случались ли раньше подобные попытки мести? С вами или с вашей семьей?

Собеседник замолчал, явно ведя внутреннюю борьбу.

— Скажу точнее: что насчет Вэй Яхуа?

При упоминании дочери мужчина вскинул голову.

— Яхуа... Моя Яхуа...

В его глазах проступили отцовская нежность и невыносимая боль. Слезы покатались по щекам, и он поспешно смахнул их рукой, тяжело вздохнув:

— Исчезновение Яхуа... Я уверен, это как-то связано со мной!

Как и предполагал следователь, Вэй Цзинь с самого начала заподозрил, что за похищением стоит кто-то из его бывших «героев», чья жизнь пошла под откос после его репортажей. Теперь он был не просто журналистом, пекущимся о репутации, а главой огромной корпорации. Последние годы «Мэйчжу» переживала не лучшие времена, и любая оплошность могла пустить прахом дело всей жизни его покойной жены.

Поэтому он молчал, пытаясь найти дочь своими силами. Его план был прост: отдать любые деньги, лишь бы не привлекать полицию и прессу. Но прошли месяцы, а новостей не было. Он был в шаге от безумия: вдруг похитителям вовсе не нужны деньги? Вдруг они просто хотят, чтобы он почувствовал, каково это — потерять всё? За десятилетия его работы таких людей

накопилось немало.

Чем больше проходило времени, тем страшнее ему было обращаться к властям. Шансы на то, что Вэй Яхуа еще жива, таяли с каждым днем. Узнав, что Чжу Мэйсинь всё же подала заявление, он был вне себя от ярости, но был вынужден подчиниться. Случай с Чжан Хуайчэном стал последним кирпичом, выбитым из фундамента его спокойствия. Он горько жалел, что не обратился в полицию раньше, и до смерти боялся, что дочь уже не вернется.

— Кого именно вы проверяли? — уточнил Юэ Цянь.

Вэй Цзинь был слишком эмоционально истощен, чтобы продолжать беседу, и за него ответил секретарь. Цзэн Хуэй передал список из двух десятков имен — те, чьи жизни были разрушены после репортажей его начальника. Имя Чжан Хуайчэна тоже было там.

Секретарь добавил, что они уже навели справки об этих людях. Причастность некоторых удалось исключить, но часть всё еще оставалась под подозрением.

Юэ Цянь заметил троих, чьи имена были помечены словом «неизвестно».

— Что это значит?

Секретарь пояснил: их не удалось найти. Кто-то давно уехал из города, а кто-то исчез совсем недавно и при странных обстоятельствах. Цзэн Хуэй указал на имя Цзюй Евэй:

— Этого человека мы так и не смогли разыскать.

— Цзюй Евэй? Тот хозяин ритуальной лавки? Он пропал? — удивился Чэн Си.

При упоминании хозяина ритуальной лавки перед глазами Юэ Цяня тут же возник образ Инь Мо. Он потер переносицу, списывая это на усталость — надо же, любая похожая профессия теперь напоминает об этом типе.

Капитан Чэн нашел тот самый выпуск новостей. На экране Цзюй Евэй — скромно одетый человек с растерянным лицом, на заднем плане — горы бумажных подношений. Благодаря Инь Мо, следователь теперь немного разобрался в этом искусстве: он не был экспертом, но мог отличить халтуру от мастерства. Этот мастер явно был профессионалом высочайшего уровня — его работы не уступали изделиям Бумажного братца.

Магазин Цзюй Евэй находился неподалеку от похоронного бюро. Он унаследовал дело от отца и благодаря своему мастерству превратил крохотную лавочку в одно из крупнейших предприятий в округе. Позже он открыл филиал у городской больницы, предоставляя полный спектр ритуальных услуг.

И хотя к похоронному бизнесу многие относились с опаской, он был необходим. Семья мастера жила безбедно: пусть они и не сорили деньгами на дорогую одежду, но считались людьми весьма состоятельными.

И тут репортаж Вэй Цзиня, бичующий «феодалные суеверия», перевернул их жизни.

В отличие от молодых предпринимателей, Цзюй Евэй был консерватором. Он с детства видел, как отец проводит обряды и молитвы, и искренне верил в потустороннее. Если клиенты просили, он и его помощники облачались в старинные халаты, читали мантры и проводили обряд призыва духа, позволяя усопшему заговорить с родными через медиума.

Журналисты Вэй Цзиня запечатлели такой обряд и выдали разгромный материал о шарлатанстве и суевериях. Одновременно они взяли интервью у других владельцев лавок и семей, которые когда-то заказывали услуги у этого человека. Все в один голос твердили: духов не существует, а он — обычный мошенник. Родственники усопших возмущались, что за свои «фокусы» мастер берет в десять раз больше обычного, и вернуть деньги невозможно.

Журналист лично брал интервью у Цзюй Евэй. Тот, запинаясь, доказывал, что с детства видит души и может с ними общаться, что он не лжец. А высокая цена обусловлена огромными затратами жизненных сил медиума. Он утверждал, что всегда заранее предупреждает о стоимости и никогда не навязывает свои услуги.

Вэй Цзинь назвал это «пережитком прошлого», на что собеседник в отчаянии воскликнул, что не сказал ни слова лжи.

После монтажа программа превратила специалиста в посмешище. Вэй Цзинь пригласил экспертов и других ритуальщиков, которые дружно осудили «нечестный заработок на чужом горе». Скандал разрастался. Филиал у больницы забросали нечистотами; родственники пациентов кричали, что лавка у ворот клиники — это проклятие, призывающее смерть.

Цзюй Евэй поспешно закрыл филиал, но вскоре досталось и основному магазину. Он с семьей пытался работать «партизанскими методами», перебиваясь мелкими заказами. Но конкуренция была жесткой: его былой успех многим колол глаза. Конкуренты, прикрываясь лозунгами из телепередачи, раз за разом срывали ему сделки. Не прошло и полугода, как его команда разбежалась.

Цзэн Хуэй добавил: босс поначалу не придавал значения этой фигуре. По сравнению с тем же Чжан Хуайчэном, тот не казался таким уж пострадавшим. Говорили, что он остался в профессии, но больше не работал с людьми напрямую. Семья переехала в маленький городок под Цанлуном, где они делали бумажные атрибуты для других лавок. Доход был скромнее, но и расходы в провинции меньше, а жизнь без вечных скандалов казалась вполне сносной.

Однако в декабре прошлого года Цзюй Евэй исчез. Дома осталась лишь престарелая мать, которая не знала, куда делся сын. Вэй Цзинь приложил немало усилий, чтобы его найти, но безрезультатно. И теперь этот мастер стал главным подозреваемым.

— Если так, то он действительно подходит под описание, — подытожил Чэн Си. — Посёлок Чаошуй. Завтра же утром отправимся туда.

Юэ Цянь вернулся в общежитие и провалился в сон. Когда он проснулся, Чэн Си уже и след простыл. Оперативники из третьего отдела лишь посмеивались:

— Не обращайте внимания, наш капитан такой — сна ни в одном глазу.

Следователь тоже собирался в Чаошуй. Он уже хотел попросить машину у коллег, как вдруг зазвонил телефон. Это был Инь Мо.

— Я тебя вижу. Идешь завтракать? Тут в переулке прямо напротив управления неплохо кормят.

<http://bllate.org/book/15837/1442145>